

КТО ТАКОЙ БУРАТИНО? (МАРИОНЕТКИ В РУССКОЙ ПРОЗЕ 1920–1930-Х ГОДОВ)

© 1997 г. Л. Ф. Кацис

Тема статьи – литературно-театральный контекст сказки А.Н. Толстого “Золотой ключик” (1935). Автор рассматривает сказку в свете культурной жизни 1900–1910-х годов и одновременно – сквозь призму ситуации 1930-х годов. Особое внимание уделено театральным статьям и рецензиям А. Блока.

The subject matter of the article is the literary and theatrical contexts surrounding A.N. Tolstoy's fairytale “Buration, or The Golden Key” (1935). The author considers it in the light of the cultural life in 1900–1910, and at the same time – against the political situation in 1930s. Particular attention is paid to A. Block's articles and reviews concerning theater.

Сказка Алексея Толстого “Золотой ключик или Приключения Буратино” давно привлекла к себе внимание исследователей в аспекте, далеком от собственно изучения детской литературы. Впервые обратил внимание (в устном сообщении) на недетскость этого текста Г. Суперфин, заметивший отражение в сказке А. Толстого некоторых черт окружения А. Блока. Затем, по-видимому независимо, к этой же теме обратился украинский литературовед М. Петровский [1–3].

Выводы исследователя сводились в основном к следующему: два театра – тот, что за занавесочкой с молнией, и тот, что принадлежит жестокому кукольному владыке, – связаны с противопоставлением двух реальных театров: МХАТа и театра Мейерхольда. Причем, по мнению Петровского, в 1930-е годы А. Толстой отдавал предпочтение уже не авангардному театру “кукольного владыки”, но, кажется, советскому МХАТу. Именно его эмблема – чеховская Чайка – и оказывается “подтекстом” зигзага молнии на занавесе “хорошего” театра в “Золотом ключике”.

Отмечает исследователь и многие частные элементы повествования, дающие возможность соотнести содержание сказки с давней драмой А. Блока, Андрея Белого и Любови Менделеевой-Блок.

Более детально к конкретным замечаниям украинского исследователя мы еще обратимся в своем месте, а здесь отметим, что, на наш взгляд, невозможно обсуждать происхождение образов сказки А. Толстого и их предполагаемых прототипов без ответа на вопрос, вынесенный в заглавие нашей работы: “Кто такой Буратино?”

Кажется, что и отвечать на него нет никакой необходимости; ведь сам автор сообщил своим читателям: “деревянная кукла по-итальянски – буратино”. И был здесь прав. И вот именно эта-то

правота отвлекла исследователей от ответа на предложенный нами вопрос. А отсутствие не то что ответа, но даже вопроса, привело к резкому упрощению и примитивизации той картины, которую оставил нам остроумный автор “Золотого ключика”.

Между тем, ответ на поставленный вопрос лежит в той же плоскости, где и все предыдущие догадки о прототипах героев сказки А. Толстого. Достаточно обратиться к тому драматургии А. Блока, чтобы обнаружился интересующий нас персонаж. Только обратиться надо не к оригинальной драматургии автора “Балаганчика”, но к его переводу (1908) пьесы австрийского драматурга Грильпарцера “Праматерь”. Здесь мы найдем героя по имени “граф Зденко фон-Боротин”.

“Праматерь” в переводе Блока была поставлена в 1908–1909 гг. в театре В.Ф. Комиссаржевской, а великая актриса сыграла в ней главную роль. История спектакля вряд ли может считаться счастливой. Постановка, в сущности, потерпела неудачу, театр Комиссаржевской вскоре закрылся, а актриса скончалась [4, с. 109].

Так неожиданно оказались связаны и одно из предварительных названий перевода “Покойница”, и название издательства, где вышел в 1908 г. этот перевод Блока, – “Пантеон”. Так или иначе, но постановка “Праматери” в театре В. Комиссаржевской вводит в рассмотрение третий театр – театр, отказавшийся от услуг постановщика В.Э. Мейерхольда. Спектакль ставил брат В.Ф. Комиссаржевской – Ф.Ф. Комиссаржевский [4, с. 106].

Таким образом за парой двух знаменитых театров, переживших и войны и революции, замаячил призрак третьего – мертвого театра.